

deputy chief of the CIA's Counterterrorist Center, argues that there are four key elements of terrorism:

It is premeditated—planned in advance, rather than an impulsive act of rage.

It is political—not criminal, like the violence that groups such as the mafia use to get money, but designed to change the existing political order.

It is aimed at civilians—not at military targets or combat-ready troops.

It is carried out by subnational groups—not by the army of a country.

Все вышеизложенное позволяет надеяться, что весь этот опыт будет тщательно обдуман и изучен правоведами и политиками.

Примечания

1. Алексеева Л. Б., Жуйков В. М., Лукашук И. И. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации. М., 1996; Взаимодействие конституционного права России и международного права / сост. Т. В. Заметина. Саратов, 2000; Марочкин С. Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень, 1998.

2. Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека. Практика и комментарии. М., 1997.

3. Каргалова М. В. От социальной идеи к социальной интеграции. М., 1999.

4. Право ЕС / ред. С. Ю. Кашкин. М., 2002.

ВОЛОСОВ Е. Н.

ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ (НА МАТЕРИАЛАХ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА)

Одним из главных признаков завершающего периода перестройки стал растущий уровень конфликтности во взаимоотношениях всех ветвей власти. Экономическая сфера не являлась исключением. Анализ архивных документов, материалов периодической печати позволяет утверждать, что по мере углубления и расширения масштабов инноваций в экономике Ангаро-Енисейского региона нарастал и уровень конфликтности. Особо обострились противоречия, доходившие до прямых конфликтов, по линиям: предприятие – министерство, руководитель – коллектив, предприятие – объединение, предприятие – местные Советы.

Основой для нарастания противоречий между предприятиями, с одной стороны, и министерствами, с другой, стал Закон о государственном предприятии (объединении), давший промышленным предприятиям и строительным организациям высо-

кую долю самостоятельности в ведении экономической деятельности, использовании получаемой прибыли [1]. Однако министерства не были готовы поступиться своей властью. Взаимоотношения министерства и предприятий не были безоблачными и ранее. Но тогда конфликтные ситуации не выходили за пределы производственной деятельности и вопросов кадровой политики. Вышестоящие инстанции не требовали от своих подчиненных ничего за пределами, а лишь выполнения государственных планов, стабильной работы и жизни производственных коллективов. Кадровые вопросы, иницилируемые министерством, также возникали по причинам, прежде всего, производственного характера.

Одной из причин, резко обостривших отношения между министерствами и предприятиями, стала замена государственного плана по выпуску продукции, предоставлению услуг на государственный заказ. Но Закон о государственном предприятии, предоставив широкую самостоятельность хозяйствующим субъектам на словах, на деле был легко обойден вышестоящими министерствами и ведомствами. Фактически вся продукция выпускалась предприятием по заказу Госплана СССР и министерств. Даже глава советского правительства Н. И. Рыжков был вынужден признать, что «...госзаказ оказался отданным на откуп министерствам и ведомствам и был превращен ими в новую упаковку традиционных методов адресного директивного правления» [2]. Возмущение Н. И. Рыжкова носило, безусловно, лицемерный характер, так как значительная степень ответственности за содержание и исполнение Закона лежало на нем самом. Стоит отметить, что ранее Н. И. Рыжков прошел такие важные ступеньки управленческой иерархии, как генеральный директор ПО «Уралмаш», заместитель министра тяжелого и транспортного машиностроения, заместитель Председателя Госплана СССР, и уж кому, как не ему была хорошо знакома вся «кухня» составления народнохозяйственных планов.

В эпоху «гласности» в прессе сразу же поднялась волна возмущения от предприятий, организаций, обманутых в ожиданиях материальных преференций от самостоятельности и хозрасчета. Не являлись исключением и предприятия Ангаро-Енисейского региона. Например, мощный всплеск недовольства произошел на Братском алюминиевом заводе. Алюминий являлся товаром, востребованным на внешнем рынке, и продукция крупнейшего предприятия в своей отрасли, оставшаяся после выполнения государственного заказа и реализованная за границей, могла бы

значительно улучшить экономические и социально-бытовые показатели завода. Однако министерство, проводя политику выравнивания, поставило предприятие в невыгодные условия, дало стопроцентный заказ на 1988 г., да еще забрало часть оборотных средств в пользу находящегося в тяжелом финансовом положении Красноярского алюминиевого завода [3].

По мнению совета трудового коллектива, в случившемся был частично виноват и директор завода М. П. Авдеев, который согласился с государственным заказом, спущенным предприятию. В конечном итоге это привело к отставке М. П. Авдеева, выборам нового руководителя завода и решению конференции трудового коллектива прекратить отчисления из фонда материального поощрения в Министерство цветной металлургии. Трагедия М. П. Авдеева в общем-то явилась типичной для многих руководителей предприятий и организаций страны того времени. Коллектив выступил не столько против директора, сколько против той системы, которую он, по их мнению, олицетворял. Министерству он был нужен как проводник жесткой линии ведомства, которая неизбежно вступала в противоречие с интересами подавляющей части коллектива [4].

В другом случае инициатором конфликта с министерством стал сам хозяйственный руководитель. Генеральный директор объединения «Красноярсклеспром» И. А. Кириллов, пользуясь новыми законодательными актами, решил вывести организацию из состава министерства и создать из ранее подчиненных ему предприятий акционерное общество «Енисейлес». Одним из аргументов, который использовал генеральный директор объединения «Красноярсклеспром» И. А. Кириллов для объяснения реорганизации, стали попытки министерства выдать государственный заказ лесопромышленному объединению на 2 млн кубометров больше реальных возможностей предприятий, входящих в эту организацию. По этому поводу И. А. Кириллов заметил: «Виток форменного террора со стороны министерства. Убивается интерес трудовых коллективов к результатам труда, создается социальная напряженность» [5].

Несмотря на ослабление организующей и координирующей роли партийных органов, они, тем не менее, пытались регулировать взаимоотношения между министерствами и предприятиями. Из документов региональных комитетов партии однозначно не следует – чью сторону они принимают. Тем не менее, по отдельным нюансам складывается ощущение, что местные партийные

работники все-таки больше защищали интересы предприятий, нежели столичных ведомств. В доказательство этого вывода можно привести материалы совещания, проведенного Иркутским обкомом КПСС в феврале 1988 г. и посвященного деятельности предприятий, работающих в новых условиях хозяйствования. Центральным для понимания позиции партийных органов стало выступление второго секретаря Иркутского обкома партии В. И. Потапова. Часть ответственности за снижение темпов развития промышленного производства он возложил на хозяйственных руководителей, не желавших заниматься по-настоящему внедрением хозяйственного расчета и увлекшихся «выплатой незаработанных денег». Но главные претензии были, все же, предъявлены министерствам, со стороны которых проявляются волевые методы руководства, стремление лишить истинной самостоятельности предприятия [6].

Недовольство хозяйственных руководителей вышестоящими ведомствами еще более возросло с началом забастовочного движения в стране. Наиболее крупный масштаб оно приняло в угольной отрасли страны. Именно шахтеры начали новую «рельсовую войну», перекрывая железные дороги в знак протеста и недовольства условиями труда и быта, медленным развитием перестройки, административно-управленческим аппаратом, монополией КПСС на власть и многими другими « пороками » советской системы. Шахтерские забастовки обошли стороной угольные предприятия Ангаро-Енисейского региона, но их угроза постоянно витала над руководителями объединений, разрезов и шахт. Частично признавая свои ошибки и свою ответственность за сложившееся положение дел, большую часть вины они, по-человечески совершенно естественно, возлагали на центральные ведомства. Например, генеральный директор ПО «Красноярск-уголь» В. А. Гуськов констатировал, что руководству объединения с большим трудом удается не допустить шахтерских забастовок, но если бы планы поставок угля, вагонов, потребителей были бы сбалансированы между министерствами угольной промышленности, путей сообщения, энергетики и электрификации, Госпланом СССР, никаких причин для недовольства не было бы вообще [7].

По мере нарастания политической активности широких масс с 1988 г. все громче заявлял о себе как о субъекте не только политической, но и хозяйственной жизни рабочий класс. В документах архивов, материалах периодической печати можно найти немало упоминаний конфликтных ситуаций, выросших в рамках

треугольника: министерство – руководитель предприятия – трудовой коллектив. На передовых рубежах борьбы оказались шахтеры. В основе конфликтов, как и ранее, были проблемы государственного заказа, поставки вагонов для перевозки угля, социально-бытовые вопросы. Но решать их попытались уже не хозяйственные руководители, а представители органов прямой рабочей демократии – советы трудовых коллективов (СТК). Так, например, произошло в мае 1989 г. на разрезе «Бородинский» в Красноярском крае, где СТК неожиданно даже для руководства предприятия отклонил контрольные цифры добычи на 1990 г. Более того, представители совета выехали в Москву на встречу с министром угольной промышленности СССР М. И. Щадовым и добились от него корректировки планов добычи угля [8].

На Братском алюминиевом заводе совет трудового коллектива, используя новое законодательство и найдя союзников среди экономического отдела завода, подготовил документы, доказывающие нереальность государственного заказа, спущенного министерством заводу. Однако руководство предприятия приняло задание министерства. В знак протеста совет трудового коллектива инициировал выборы нового руководства завода, а также отказался от перечисления средств из фонда материального поощрения на счета министерства [9].

Тема конфликтов в эпоху перестройки чрезвычайно плодотворна для изучения. Причем попытка отделить экономическую и политическую составляющие практически невозможна. Недовольство рабочих, в основе которого лежали проблемы финансового и социально-бытового характера, неизбежно продуцировало вопросы о политической ангажированности властных органов, целях политики правящей партии и государства. Индикатором степени напряжения конфликтов внутри трудовых коллективов, противостояния между административно-управленческим аппаратом предприятий и трудовыми коллективами стали два фактора: забастовки и выборы руководителей.

Ангаро-Енисейский регион в период перестройки оказался не избалован забастовками. Либо они не удостоились внимания журналистов, охочих до сенсаций, либо их действительно не было. Чаще в материалах прессы встречается угроза забастовкой, которая не меньше тревожила руководителей, ибо им приходилось одновременно работать в условиях прежнего планового режима и классической иерархической подчиненности, учитывать растущую экономическую и политическую субъектность своих

подчиненных, сохраняющееся влияние партийных органов и меркантильное желание получить материальные дивиденды от производственно-финансовой деятельности предприятий в изменившихся экономических условиях.

Примечания

1. Закон Союза Советских Социалистических Республик о государственном предприятии (объединении). М. : Юрид. лит., 1988. С. 4–8.
2. Правда. 1988. 29 мая.
3. Завод в кандалах / Э. Халтурин, В. Пронин, Н. Шеколдин, В. Макаров // Вост.-Сиб. правда. 1988. 22 июня.
4. Братский городской архив (БГА). Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 1470. Л. 9; Д. 1420. Л. 21.
5. Николаева М. Подождите в приемной, товарищ министр... (интервью с И. А. Кирилловым) // Краснояр. рабочий. 1990. 27 июля.
6. Арифметика хозяйствования (Редакционная) // Вост.-Сиб. правда. 1988. 21 февр.
7. Стыврин В. Там на шахте угольной (интервью с В. А. Гуськовым) // Краснояр. рабочий. 1989. 27 авг.
8. Решетень В. Последняя капля, которая переполнила чашу терпения бородинских угольщиков, и что из этого вышло // Краснояр. рабочий. 1989. 16 мая.
9. БГА. Ф. Р-152. О. 1. Д. 1470. Л. 9.

ГАПСАЛАМОВ А. Р.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ СССР В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Вторая половина XX в. была ознаменована для Советского Союза важными внешне- и внутривнутриполитическими событиями. Знаковые изменения произошли и в экономике страны, связанные с хрущевскими преобразованиями в сельском хозяйстве и в промышленности, контрреформами брежневского руководства и последующей «перестройкой». В научной литературе достаточно много работ, посвященных указанному периоду, но, по нашему мнению, пропитанный идеологизированностью, субъективизмом, к настоящему времени этот материал значительно устарел. Сегодня возникает потребность в обобщении предшествующего опыта развития государственности, выявлении положительных аспектов его существования и применении отдельных положений командной системы в практике рыночной экономики. В представленном исследовании мы не ставим глобальной задачи рассмотрения экономической истории страны второй половины XX столетия, мы лишь проанализируем структурные преобразования в системе управления промышленностью СССР в 1960–1970-е гг. как попытку модернизировать агонизирующую систему хозяйствования.